Отечественная война 1812 г.

Съ 11-ю рисунками и картою военныхъ дѣйствій.

„Не намъ, не намъ, а имени Твоему".

Надпись на медали въ память 1812 г.

Составилъ

Священникъ Константинъ Корольковъ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акц. О-ва печ. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. 6.
1912.

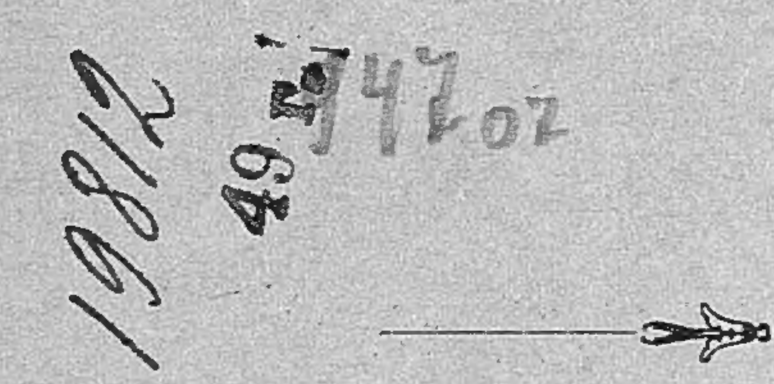
Отечественная война 1812 г.

Съ 11-ю рисунками и картою военныхъ дѣйствій.

„Не намъ, не намъ, а имени Твоему“.

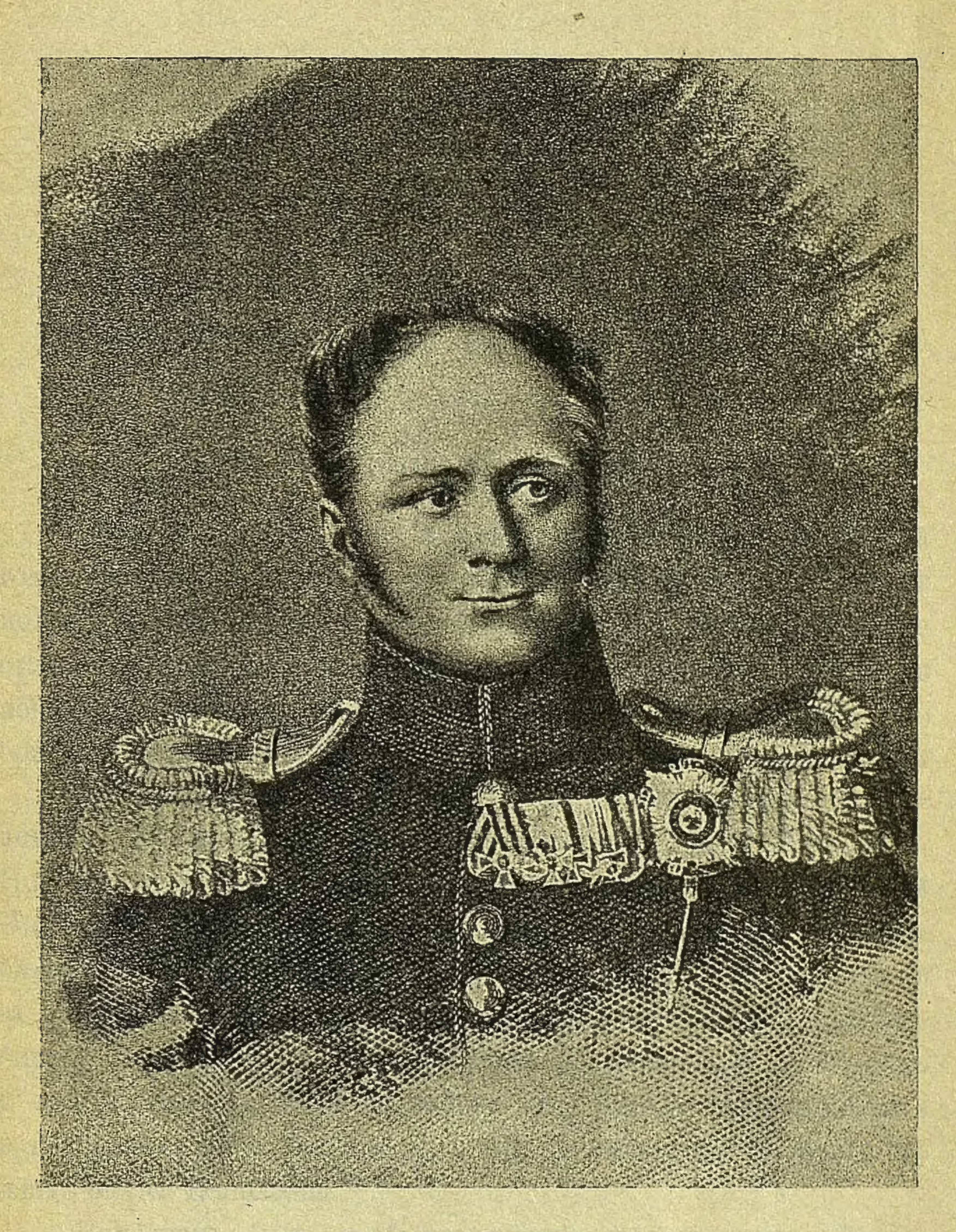
Надпись на медали въ память 1812 г.

Составилъ
Священникъ Константинъ Корольковъ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акц. О-ва печ. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. 6.
1912.

Изъ журнала „Западно-Русская Начальная Школа“ за 1912 г.

Императоръ Александръ I.

Отечественная война 1812 года.

1. Причины войны

Никогда не изгладится изъ памяти русскаго народа 1812-й годъ. Грозный завоеватель Наполеонъ вторгся съ несмѣтными полчищами въ наше отечество и уже занялъ первопрестольную столицу—Москву съ ея святынями и памятниками. И только непоколебимая вѣра въ Промыслъ Божій, да безграничная любовь къ Царю и отечеству спасли Россію отъ вражескаго ига.

Въ началѣ XIX столѣтія во главѣ Европы стояли два великихъ Монарха: Императоръ Александръ I-й и Наполеонъ. При красивой наружности и величественной осанкѣ, нашъ юный Императоръ отличался добротою и искренностью. Онъ употреблялъ всѣ средства къ улучшенію жизни своихъ подданныхъ, и за это пользовался общей любовію народа. Кроткій и миролюбивый, Императоръ Александръ былъ въ то же время твердымъ и мужественнымъ. Избѣгая войны, онъ больше всего заботился о сохраненіи мира для Россіи и объ освобожденіи Европы отъ владычества Наполеона.

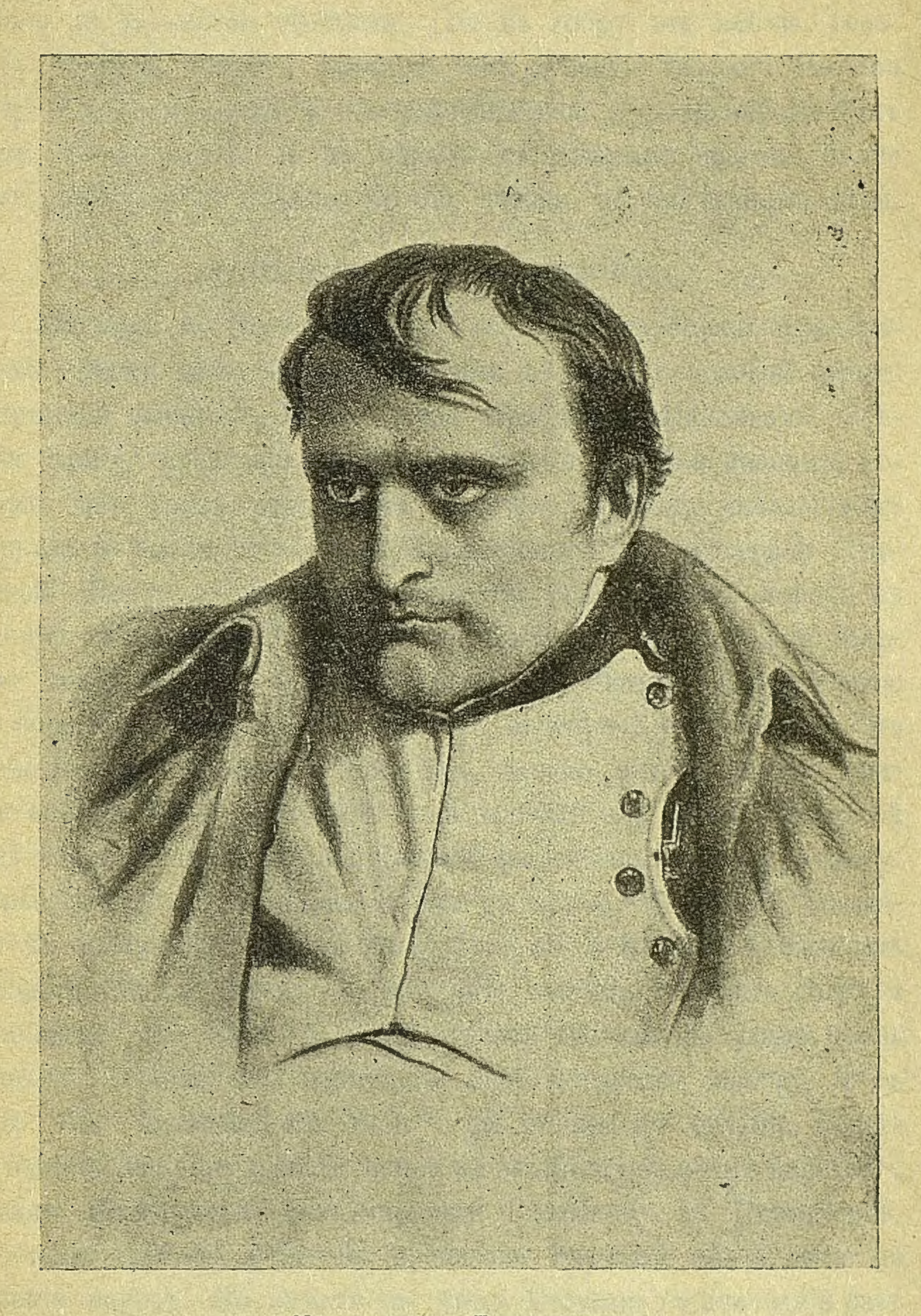
Наполеонъ былъ необыкновеннымъ полководцемъ. Водворивъ спокойствіе во Франціи, онъ самовольно захватилъ престолъ ея и объявилъ себя Императоромъ. Въ короткое время честолюбивый и гордый завоеватель подчинилъ себѣ почти всю Западную Европу, кромѣ Англіи, и уже помышлялъ о господствѣ надъ всѣмъ міромъ. Желая положить предѣлъ самовластію На-

полеона, Русскій Государь вступилъ съ нимъ въ борьбу, сначала въ союзѣ съ Австріей (въ 1805 г.), а затѣмъ въ союзѣ съ Пруссіей и Англіей (въ 1806 г.). Эти войны были неудачны и окончились Тильзитскимъ миромъ (въ 1807 г.), послѣ котораго отношенія между Россіей и Франціей нѣкоторое время были дружественными. Но это продолжалось недолго. Вопреки обѣщанію, Наполеонъ увеличивалъ Варшавское герцогство (бывшую Польшу), присоединилъ къ Франціи многіе Германскіе города (такъ называемаго „Ганзейскаго Союза") и, наконецъ, отнялъ владѣнія у Герцога Ольденбургскаго, дяди Императора Александра. Возраженія Россіи противъ этихъ дѣйствій Наполеона были оставлены имъ безъ вниманія. Вражда Наполеона къ Россіи усиливалась болѣе и болѣе. Онъ говорилъ: „Пока не покорена Россія, я не буду повелителемъ міра; пока русскій Государь царствуетъ независимо, у меня остается соперникъ".

Кровавая развязка приближалась. Въ приготовленіяхъ къ войнѣ прошелъ 1811 годъ. Ко времени открытія военныхъ дѣйствій „великая армія" Наполеона, предназначенная къ вторженію въ Россію, состояла изъ 608.000 человѣкъ при 1242 орудіяхъ. Россія, занятая войною съ Турціей, могла выставить не болѣе 200.000 человѣкъ при 960 орудіяхъ. На сторонѣ Наполеона было превосходство силъ, наша же армія была сильна своею преданностью Монарху и любовію къ родинѣ.

Передъ началомъ похода Наполеонъ обратился къ своей арміи съ такимъ воззваніемъ: „Солдаты, Россія увлекается рокомъ. Она не избѣгнетъ судьбы своей... Итакъ—впередъ. Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи".

Наполеонъ нисколько не сомнѣвался въ успѣхѣ своего предпріятія. Всѣ генералы и офицеры добивались, какъ особой милости, назначенія въ „великую армію", подвиги которой должны были превзойти все, что до тѣхъ поръ было совершено во время прежнихъ войнъ. О трудностяхъ похода почти никому не приходило въ голову. „Мы идемъ въ Москву, до скораго свиданія", говорили тысячи тѣхъ, кому не суждено было увидѣть свою родину. У насъ въ Россіи имя Бонапарта вселяло въ простой

Наполеонъ Бонапартъ.

народъ какой-то необъяснимый ужасъ. Въ 1811 году появилась комета съ длиннымъ хвостомъ. „Не къ добру эта звѣзда, говорилъ простой народъ, помететъ она русскую землю“. Но при всемъ своемъ суевѣріи и необразованности, русскій народъ былъ очень религіознымъ и въ борьбѣ съ грознымъ врагомъ болѣе всего надѣялся на помощь Божію, нежели на собственныя силы.

2. Вторженіе французовъ.

Въ ночь съ 12 на 13 іюня началась переправа французскихъ войскъ чрезъ Нѣманъ. Утромъ 13 іюня передовой отрядъ непріятеля занялъ г. Ковно, куда прибылъ и Наполеонъ. Русская армія, предназначенная къ борьбѣ съ Наполеономъ, состояла изъ трехъ отдѣльныхъ частей: 1-я подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, 2-я—князя Багратіона и 3-я—генерала Тормасова. Получивъ извѣстіе о движеніи французскихъ войскъ къ нашимъ границамъ, Императоръ Александръ отправился въ главную квартиру 1-й арміи, бывшую въ Вильнѣ. Здѣсь ночью 13 іюня было получено донесеніе о переправѣ непріятелей. Это извѣстіе сильно поразило Государя, однако онъ сохранилъ полное спокойствіе и приказалъ пока молчать объ этомъ. На другой день вѣсть о вторженіи непріятелей разнеслась по всему городу. Курьеры мчались съ приказаніями въ армію. Въ своемъ воззваніи къ войскамъ Государь говоритъ: „Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ объ ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины, вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На начинающаго Богъ“. „Я не положу оружія, доколѣ ни одного непріятельскаго воина не останется въ моемъ царствѣ“, писалъ Императоръ фельдмаршалу Салтыкову въ Петербургъ. Это непреклонное рѣшеніе произвело глубокое впечатлѣніе на русскій народъ. Но вмѣстѣ съ этимъ Государь въ послѣдній разъ обнаружилъ свое миролюбіе, пославъ къ Наполеону генералъ-адъютанта Балашова. Въ разговорѣ съ нимъ Наполеонъ, между прочимъ, предложилъ Балашову такой вопросъ: „По какой дорогѣ можно пройти въ Москву“. „Ваше Величество поставили меня

въ большое затрудненіе“, отвѣчалъ онъ, „русскіе, какъ и французы, говорятъ, что къ Риму можно пройти по всякой дорогѣ. Въ Москву ведутъ также многіе пути. Карлъ XII шелъ туда на Полтаву“. Такой отвѣтъ не понравился Наполеону и Балашевъ уѣхалъ ни съ чѣмъ.

3. Императоръ Александръ I въ Москвѣ.

Первыя столкновенія съ непріятелемъ ясно показали, какъ велики были его силы, и потому Императоръ Александръ рѣшился призвать къ борьбѣ весь свой народъ. Въ ночь на 7 іюля Государь выѣхалъ изъ Полоцка въ Москву. 11 іюля въ Москвѣ, одновременно съ Высочайшимъ манифестомъ, было обнародовано воззваніе, призывавшее всѣ сословія на борьбу съ врагомъ до послѣдней капли крови. Въ этомъ воззваніи говорилось: „Да встрѣтитъ непріятель въ каждомъ дворянинѣ—Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина... Соединитесь всѣ съ крестомъ въ сердцѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, и никакія человѣческія силы васъ не одолѣютъ“.

Въ ночь на 12 іюля Государь прибылъ въ Москву. Съ ранняго утра густыя толпы народа спѣшили со всѣхъ сторонъ къ Кремлю. День былъ великолѣпный, солнце сіяло во всемъ блескѣ. Обширное пространство Кремля не въ состояніи было вмѣстить въ себѣ всего нахлынувшаго народа. Не только всѣ площади Кремля, но и всѣ улицы, ведущія къ нему, всѣ крыши сосѣднихъ домовъ были покрыты народомъ. Въ 9 часовъ утра Государь, выйдя на Красное крыльцо, остановился, видимо растроганный представившимся Ему зрѣлищемъ. И казалось, что во взглядѣ Его прекрасныхъ глазъ отражается вся народная душа. Онъ поклонился народу и вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ слились привѣтственные крики многотысячной толпы. Но рядомъ съ обычнымъ „Ура“ слышались и другіе возгласы: „Отецъ нашъ, Ангелъ нашъ. Да сохранитъ Тебя Господь“, кричали тысячи восторженныхъ голосовъ: „веди насъ, куда хочешь, умремъ, или побѣдимъ“.

Началось шествіе къ Успенскому Собору, замедлявшееся народомъ, который не могъ наглядѣться на своего Государя.

Графъ Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли.

На каждой ступени Краснаго крыльца сотни торопливыхъ рукъ хватались за ноги Государя, за полы Его мундира, цѣлуя ихъ и орошая слезами. Быстрый приливъ народа тѣснилъ Его все болѣе и болѣе. Лица, окружавшія Государя, пытались раздвигать ряды. „Не троньте ихъ, не троньте ихъ, Я пройду". Одинъ изъ толпы, посмѣлѣе другихъ, подошелъ къ Императору и сказалъ: „Не унывай. Видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же во всей Россіи. Всѣ умремъ за Тебя".

Находившіяся при Государѣ лица, окруживъ Его, съ трудомъ довели до Собора.

При входѣ въ Успенскій Соборъ архіепископъ Августинъ, одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ того времени, привѣтствовалъ Императора глубоко прочувствованнымъ словомъ, въ которомъ сказалъ: „Господь силъ съ Тобою. Разумѣйте языцы и покаряйтеся, яко съ нами Богъ".

Государь вошелъ внутрь храма и пѣвчіе, по распоряженію преосвященнаго Августина, вмѣсто обычнаго тропаря: „Спаси, Господи, люди Твоя", запѣли: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его".

Въ Соборѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ по случаю заключенія мира съ Турціей и вознесена колѣнопреклоненная молитва о дарованіи побѣды надъ врагами. Въ тотъ же день Кутузовъ пожалованъ графскимъ титуломъ „за турецкую кампанію".

Обратное шествіе Государя изъ Собора было сопряжено съ еще большими трудностями. Радостно взволнованный, проникнутый твердой вѣрой въ крѣпкую, неразрывную связь между Собою и народомъ, возвратился Государь во дворецъ. Онъ понялъ и убѣдился, что Москва, а за нею и вся Россія дадутъ Ему неисчерпаемыя средства для борьбы съ грознымъ врагомъ. Вслѣдствіе этого Онъ рѣшился прямо обратиться къ своимъ подданнымъ и съ этой цѣлью приказалъ дворянамъ и купцамъ собраться 15 іюля въ Слободскомъ дворцѣ.

Въ назначенный день залы этого дворца наполнились громаднымъ количествомъ дворянъ и купцовъ. Еще до прибытія

Государя, среди собравшихся дворянъ, раздавались голоса: „Нельзя медлить, надо дѣйствовать скорѣе. Двинемся съ народомъ, вооружимся, чѣмъ можемъ, отрѣжемъ путь Наполеону, и покажемъ, какъ Россія возстаетъ за свое отечество". Въ другихъ залахъ раздавались грозные клики противъ врага и выражалась готовность положить свою жизнь за Царя и за дорогую родину.

Выйдя къ дворянамъ, Императоръ сказалъ: „Вы, по примѣру предковъ, не потерпите ига чужого, и непріятель не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ. Этого ожидаетъ отъ васъ отечество и Государь".

Въ отвѣтъ на это раздались возгласы: „Готовы умереть. Все, что имѣемъ, отдаемъ Тебѣ". И тутъ же дворяне рѣшили вооружить и снарядить за свой счетъ 80 тысячъ ратниковъ и пожертвовать 3 милліона деньгами. Слыша это, Государь и всѣ присутствовавшіе не могли удержать слезъ отъ волненія.

Такую же преданность и любовь къ Царю и отечеству выразило городское населеніе и московское купечество, пожертвовавшее въ тотъ же день 10 милліоновъ рублей.

Императоръ, тронутый такимъ проявленіемъ чувствъ со стороны москвичей, не находилъ словъ благодарить ихъ и только неоднократно повторялъ: „Этого дня я никогда не забуду". Въ ночь на 19 іюля Государь уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ встрѣтилъ ту же преданность народа.

Жители другихъ городовъ и мѣстъ съ такимъ же участіемъ отнеслись къ бѣдствію отечества. Въ короткое время число ополченцевъ дошло до 300 тысячъ, а пожертвованій было собрано болѣе 100 милліоновъ рублей.

Такимъ же духомъ любви къ родинѣ былъ проникнутъ и весь простой народъ, рѣшившій сжигать свои избы и уничтожать свое имущество, лишь бы оно не досталось непріятелю.

4. Духовенство во время войны 1812 года.

Единодушное возстаніе русскаго народа для борьбы съ врагами и для защиты вѣры и отечества находится въ тѣсной связи съ тѣмъ великимъ вліяніемъ, какое оказывало на простой на-

родъ наше православное духовенство, начиная съ епископовъ и оканчивая рядовыми сельскими священниками. Причина этого заключалась какъ въ присущей нашему народу религіозности, которую онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, такъ и въ томъ духовномъ единеніи, какое существовало между пастырями и пасомыми.

Правда, русскій народъ въ то время былъ необразованъ. Школъ было мало и нѣкоторыя изъ нихъ были открыты только при Императорѣ Александрѣ I. Но главными дѣятелями въ нихъ явилось православное духовенство, которое, преимущественно по книгамъ церковно-славянской печати, учило народъ вѣрѣ и благочестію и воспитывало его въ безпредѣльной преданности Царю и отечеству.

1812 годъ показалъ это со всею очевидностію. Уже въ самомъ началѣ войны, прибывъ въ Смоленскъ 6 іюля, Государь обратился непосредственно къ православному духовенству и въ рескриптѣ на имя епископа Смоленскаго Иринея писалъ: „Узнавъ, что нѣкоторые поселяне и жители, оставляя поля и работы свои, скрываются и бѣгутъ отъ малочисленныхъ непріятельскихъ разъѣздовъ, появляющихся въ далекомъ еще разстояніи отъ Смоленска, возлагаемъ Мы на вашъ пастырскій долгъ: внушеніями и увѣщаніями своими собирать ихъ и не только отвращать отъ страха и побѣга, но, напротивъ, убѣждать, какъ того требуетъ долгъ и вѣра христіанская, чтобы они, совокупляясь вмѣстѣ, старались вооружаться, чѣмъ только могутъ, не давая никакого пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истребляли ихъ, и вмѣсто робости наносили имъ самимъ великій вредъ и ужасъ“.

Рескриптъ этотъ читался во всѣхъ церквахъ г. Смоленска, былъ разосланъ по всѣмъ приходамъ Смоленской епархіи и, безъ сомнѣнія, принесъ великую пользу. Во многихъ мѣстахъ жители вооружались, составляли отряды, во главѣ которыхъ иногда стояли духовныя лица и преслѣдовали враговъ съ такимъ ожесточеніемъ, на которое неспособенъ добродушный русскій народъ. Священники съ своей стороны неустанно проповѣдывали непримиримую борьбу съ врагами и возбуждали въ народѣ

стремленіе жертвовать всѣмъ, и даже собственною жизнію, для спасенія вѣры и отечества. Противъ этой-то народной войны оказалась безсильною „великая армія“ Наполеона...

Митрополитомъ Московскимъ въ эту тяжелую годину былъ извѣстный своимъ великимъ умомъ архипастырь Платонъ, правившій своею митрополіей 37 лѣтъ. Душа святителя пламенѣла безграничной любовью къ родинѣ. Когда роковая вѣсть о вторженіи французовъ достигла тихой обители, гдѣ пребывалъ онъ (Виѳаніи), кровью облилось сердце митрополита Платона.

„Боже мой, Боже мой, до чего я дожилъ!“ взывалъ онъ, горько рыдая.

Удрученный старостью, Святитель нѣсколько разъ порывался отправиться въ Москву, чтобы лично благословить Государя на великій подвигъ. Наконецъ, чувствуя полное истощеніе силъ, отказавшись отъ этой мысли, маститый іерархъ послалъ Императору образъ преподобнаго Сергія, написанный на гробовой доскѣ преподобнаго, сопутствовавшій Петру Великому въ его походахъ и сраженіяхъ, а въ своемъ письмѣ Царю пророчески предвѣщалъ погибель „дерзкаго и наглаго Голіаѳа“.

Во время посѣщенія Москвы Государь, обратившій свое вниманіе на краснорѣчіе архіепископа Августина, московскаго викарія, повелѣлъ ему составить молитву объ избавленіи отъ супостатовъ, которая читалась во всѣхъ церквахъ съ колѣнопреклоненіемъ до полнаго изгнанія враговъ.

Впослѣдствіи преосвященный Августинъ своими вдохновенными проповѣдями поддерживалъ духъ народа и призывалъ москвичей ополчиться на великую брань.

По опредѣленію Св. Синода, манифестъ о войнѣ съ французами былъ прочитанъ во всѣхъ церквахъ Имперіи и затѣмъ ежедневно совершалось молебствіе о ниспосланіи побѣды надъ врагами.

Когда Государь сдѣлалъ распоряженіе о созваніи народнаго ополченія, Св. Синодъ постановилъ изъ прибылей отъ свѣчной продажи при церквахъ отдѣлить $1^1/_2$ милліона рублей на образованіе петербургскаго и московскаго ополченія. Все духовенство

и міряне приглашались жертвовать деньгами, золотыми и серебряными вещами. Причетники, дѣти духовенства, жившіе при родителяхъ, а также семинаристы увольнялись по желанію въ ополченіе, получая отъ церквей пособіе на одежду и продовольствіе.

Такимъ образомъ во главѣ всего народа русское духовенство выступило на борьбу съ невѣрующимъ и кощунственнымъ непріятелемъ, открыто издѣвавшимся надъ всѣмъ, что было дорого русскому сердцу и намѣренно осквернявшимъ храмы Божіи и другія святыни. Страшное бѣдствіе, обрушившееся на русскую землю, могло привести многихъ въ отчаяніе, а занятіе Москвы французами совершенно подавить духъ народный и вселить въ сердца безотчетный ужасъ. И вотъ, въ эти дни страха, унынія и скорби русское духовенство горячей проповѣдью и личнымъ примѣромъ поддерживало въ народѣ вѣру, утѣшало страждущихъ, ободряло упавшихъ духомъ. Въ отечественную войну ярко вспыхнулъ свѣтильникъ вѣры въ душахъ русскихъ людей. И этотъ свѣтильникъ, благодаря духовенству, разгорался все сильнѣе и сильнѣе.

Духовный подвигъ не такъ замѣтенъ, какъ громкія дѣла на полѣ брани. Изъ цѣлаго сонма городскихъ и сельскихъ священниковъ сохранились лишь немногія имена тѣхъ, которые, среди ужаса и разоренія, не давали угаснуть свѣтильнику вѣры, прятали отъ враговъ и оберегали священные антиминсы, святое миро, иконы, утварь церковную, а сами, нерѣдко лишенные семьи и крова, болѣя душою о родныхъ своихъ, находили въ себѣ достаточно силъ, чтобы поддерживать духъ народа. Скромные сельскіе пастыри, робкіе въ обыденной жизни, простые монахи, и даже низшіе церковно-служители превращались въ пламенныхъ проповѣдниковъ, въ героевъ святого долга, готовыхъ принять мученическій вѣнецъ въ эту годину великой скорби народной! На судьбѣ ихъ и ихъ семействъ по истинѣ сбылись пророческія слова: рыданіе, и жалость, и горе... Нельзя никакими словами изобразить тѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій, какія переживало духовенство, особенно московское, во время

отечественной войны. Священниковъ и монаховъ подвергали всяческимъ истязаніямъ и пыткамъ, рубили въ куски, привязывали къ конскимъ хвостамъ и волочили по землѣ, отчего они умирали мучительною смертію и т. п.

Изъ числа многихъ борцовъ за вѣру и отечество исторія сохранила имя священника о. Никифора Мурзакевича, который остался въ Смоленскѣ послѣ взятія его французами и все время совершалъ тамъ богослуженія и требы. Онъ присутствовалъ при казни извѣстнаго патріота помѣщика Павла Ивановича Энгельгардта, приговореннаго французами къ растрѣлянію за его смѣлыя партизанскія дѣйствія. Въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ, о. Никифоръ напутствовалъ героя, который умеръ смертію храбрыхъ. Когда ему хотѣли завязать глаза платкомъ, Энгельгардтъ воскликнулъ:

„Прочь! Русскій всегда смотритъ смерти въ глаза“. Такъ умирали за свою родину наши предки въ 1812 году.

Нельзя умолчать и о подвигахъ военнаго духовенства въ 1812 году. Нельзя забыть тѣхъ, кто шелъ впереди воиновъ безоружнымъ, но съ крестомъ и въ сердцѣ и въ рукахъ, кто живыхъ воиновъ воодушевлялъ на подвигъ бранный, кто умиравшимъ облегчалъ словомъ утѣшенія послѣднія минуты земной жизни, кто умершихъ напутствовалъ благословеніемъ Церкви при переходѣ въ иной міръ. Военные священники въ войну 1812 года вмѣстѣ съ арміей дѣлили всѣ невзгоды и лишенія, вмѣстѣ съ нею страдали, подвергались всѣмъ опасностямъ войны, утѣшали и ободряли воиновъ словомъ и благословеніемъ, укрѣпляя ихъ воинскій духъ.

Своею непоколебимою вѣрою, своею преданностью Царю и родинѣ русское духовенство въ 1812 году много способствовало подъему народнаго духа, успѣхамъ народной войны и бодрому настроенію самой арміи.

5. Сраженіе при Красномъ. Оборона Смоленска.

На общій ходъ военныхъ дѣйствій вначалѣ вредно вліяло то обстоятельство, что западныя арміи находились подъ началь-

Священникъ о. Никифоръ Мурзакевичъ напутствуетъ героя Энгельгардта передъ его мученической кончиной за родину.

ствомъ двухъ главнокомандующихъ и были отдѣлены одна отъ другой большимъ пространствомъ.

Главнокомандующимъ 1-й западной арміей былъ военный министръ Барклай-де-Толли. Онъ былъ безпредѣльно преданъ Государю и Россіи, но ему не доставало способности говорить съ солдатами языкомъ, понятнымъ для нихъ. Войска и народъ считали его иностранцемъ. Зная превосходство непріятельскихъ силъ, Барклай считалъ невозможнымъ вступить въ открытый бой и единственное спасеніе видѣлъ въ отступленіи и оборонительной войнѣ.

Командующимъ 2-й западной арміей былъ князь Багратіонъ, любимецъ Суворова, прославившійся во многихъ войнахъ безпримѣрною храбростью. Солдаты обожали его. Подчиняясь распоряженію Барклая, Багратіонъ отступалъ передъ непріятелемъ, но дѣлалъ это весьма не охотно, полагая, что отступленіе дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на войска.

Послѣ переправы черезъ Нѣманъ Наполеонъ съ большими силами быстро двигался впередъ. Хорошо зная расположеніе нашихъ войскъ, онъ составилъ планъ—врѣзаться между двумя нашими арміями, разъединить ихъ и разбить каждую отдѣльно. Барклай угадалъ намѣреніе Наполеона и, отступая внутрь страны, думалъ соединиться съ Багратіономъ въ Витебскѣ. Но такъ какъ это не удалось, то отступленіе продолжалось далѣе, и обѣ арміи 22 іюля соединились только подъ Смоленскомъ. Уступая настояніямъ Багратіона, Барклай рѣшился итти на встрѣчу французамъ, чтобы дать имъ отпоръ. Не успѣли, однако, наши войска удалиться отъ Смоленска на 70 верстъ, какъ Наполеонъ, узнавъ объ этомъ, быстро переправился на лѣвый берегъ Днѣпра и двинулся къ Смоленску, думая зайти въ тылъ русской арміи и совершенно отрѣзать ее отъ Москвы. Планъ его чуть-чуть не удался. Но на пути къ Смоленску, подъ Краснымъ, непріятель наткнулся на 7-ми тысячный отрядъ Невѣровскаго, который, понявъ опасность, угрожавшую обѣимъ арміямъ, рѣшился медленнымъ отступленіемъ задержать непріятеля. Всѣ атаки цѣлаго корпуса французской кавалеріи были отбиты, русскіе сражались

съ необыкновеннымъ мужествомъ и храбростью. По словамъ французовъ, „Невѣровскій отступалъ, какъ левъ“. Славное дѣло подъ Краснымъ было очень важно потому, что, задержавъ французовъ на цѣлый день, Невѣровскій далъ возможность корпусу Раевскаго вернуться въ Смоленскъ. Между тѣмъ, наши арміи находились далеко отъ Смоленска и Раевскій не могъ надѣяться на скорую помощь. Хорошо сознавая опасность, которая угрожала нашей арміи, Раевскій рѣшился лучше погибнуть со всѣмъ своимъ корпусомъ подъ стѣнами Смоленска, нежели позволить Наполеону отрѣзать наши войска отъ сообщенія съ Москвою и южными губерніями. Весь день 4 августа производились безпрерывныя атаки французовъ на войска Раевскаго и Паскевича, находившіяся въ Смоленскѣ. Видя неудачу, Наполеонъ приказалъ поставить батареи и бить стѣны города. Все было напрасно. Наши солдаты мужественно умирали на своихъ постахъ. Къ вечеру войска обѣихъ армій пришли къ городу и сосредоточились на высотахъ праваго берега Днѣпра. Прибыли оба главнокомандующіе. Всѣ сознавали важность успѣха. Поздравленія Раевскому и Паскевичу неслись со всѣхъ сторонъ. Князь Багратіонъ благодарилъ обоихъ изъ глубины души, восторгаясь ихъ геройскимъ подвигомъ. „Вотъ благополучнѣйшая минута всего военнаго поприща моего“, сказалъ Раевскій. „Чтобы умѣть оцѣнить мое положеніе, надобно было перенести безпокойство, мучившее меня сутки“. Самъ Наполеонъ впослѣдствіи высказывался, что взятіе Смоленска врасплохъ могло дать другой оборотъ всей войнѣ.

Весь день 4 августа и ночью на 5 число подходили къ Смоленску французскія войска. Наполеонъ думалъ, что русскія войска вступятъ здѣсь въ сраженіе съ нимъ, но Барклай рѣшился отступать. Для обороны Смоленска былъ оставленъ корпусъ Дохтурова, который отчаянно защищался цѣлый день. Главный натискъ Наполеона былъ направленъ противъ Малаховскихъ воротъ, оборонявшихся Коновницынымъ. Онъ былъ раненъ въ руку, но не оставилъ сраженія и даже не позволилъ сдѣлать себѣ перевязки. Неустрашимость Невѣровскаго и искусныя дѣйствія

Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ.

Кутайсова, лично управлявшаго артиллеріей, восторжествовали надъ всѣми усиліями непріятеля. Безполезность нападеній утомила Наполеона. Онъ велѣлъ итти на проломъ. Крѣпость и толщина городскихъ стѣнъ, сооруженныхъ еще при Годуновѣ, противустояли чугуну, но тучи ядеръ и гранатъ, полетѣвшихъ въ городъ изъ 150 орудій, произвели пожаръ. Церкви, дома, башни, все, что могло горѣть, запылало. Воспламененныя окрестности, густой, разноцвѣтный дымъ, багровыя тучи, трескъ разрывавшихся бомбъ, громъ пушекъ, перекаты ружейной стрѣльбы, стукъ барабановъ, улицы, наполненныя ранеными, вопль старцевъ, стоны женъ и дѣтей, толпы народа, стоявшаго на колѣняхъ съ воздѣтыми къ небу руками,—вотъ ужаснѣйшая картина, которую освѣщали догоравшіе солнечные лучи. Считая этотъ день свѣтопреставленіемъ, а Наполеона антихристомъ съ воинствомъ дьяволовъ, одни убѣгали изъ города, а другіе безстрашно шли въ огонь. Во всѣ три дня происходившихъ сраженій не затворялись храмы Божіи, въ которыхъ духовенство совершало молебствія среди дыма и пламени, при неумолкаемомъ громѣ ревущихъ пушечныхъ жерлъ и ружейной стрѣльбы. Пылали колокольни и храмы, но народъ спѣшилъ въ церковь, гдѣ наканунѣ праздника Преображенія Господня совершалось всенощное бдѣніе. Съ вѣрою и надеждою на помощь свыше молились жители. Въ сумерки изъ Благовѣщенской церкви вынесли за городъ чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери, который послѣ того сопровождалъ русскую армію во все время ея отступленія къ Москвѣ. Стоялъ прекрасный лѣтній вечеръ. Удалилась Божественная Заступница Смоленска, но со стѣнъ не сходили русскіе, спереди громимые непріятелемъ, а сзади опаляемые пожаромъ, разлившимся по всему городу. Поздно вечеромъ канонада прекратилась. Смоленскъ былъ превращенъ въ груды пепла и развалинъ. Наполеонъ не имѣлъ никакого успѣха, несмотря на то, что ввелъ въ дѣло болѣе половины своей арміи. Послѣ этого Барклай считалъ безполезнымъ оборону Смоленска и Дохтуровъ ночью вышелъ изъ города со всѣми бывшими у него войсками. На другой день, рано утромъ, Наполеонъ вступилъ въ опустошенный городъ.

6. Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ.

Послѣ удачнаго боя у Лубина 7 августа, наши войска безпрепятственно вышли на Московскую дорогу. Дальнѣйшая цѣль отступленія русской арміи заключалась въ отысканіи удобной позиціи, на которой можно было-бы дать Наполеону рѣшительное сраженіе. Но при выборѣ такой позиціи между Барклаемъ и Багратіономъ происходили недоразумѣнія, вредно отзывавшіяся на общемъ ходѣ дѣла.

Отступать, и этимъ вести за собою къ неминуемой гибели увлекавшагося преслѣдованіемъ Наполеона, — таковъ былъ планъ осторожнаго и мудраго Барклая-де-Толли. Но современники не понимали его. И войско, и начальники отдѣльныхъ частей, и общество, и весь русскій народъ, всѣ были недовольны постояннымъ отступленіемъ арміи и даже обвиняли Барклая въ нерѣшительности и трусости. Подъ вліяніемъ такого настроенія Императоръ Александръ внялъ общему желанію и назначилъ главнокомандующимъ арміей графа Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова.

Кутузовъ былъ человѣкъ замѣчательнаго ума и образованія, ловкій и хитрый. Онъ былъ достойнымъ ученикомъ такихъ великихъ учителей, какъ Румянцевъ и Суворовъ. Въ царствованіе Императрицы Екатерины 2-й Кутузовъ участвовалъ въ двухъ турецкихъ войнахъ, былъ два раза тяжело раненъ въ голову, и даже лишился праваго глаза. Уничтоживъ цѣлымъ рядомъ побѣдъ турецкую армію, Кутузовъ въ 1812 году принудилъ турокъ заключить миръ въ Бухарестѣ, что совпало со вступленіемъ французовъ въ наше отечество. Когда наши войска отступали внутрь Россіи, все чаще и чаще произносилось въ народѣ имя стараго полководца, все болѣе и болѣе укрѣплялось въ обществѣ и въ войскѣ убѣжденіе, что только Кутузовъ можетъ спасти Россію. Старый, израненый въ бояхъ, въ высшей степени религіозный, Кутузовъ считался прямымъ преемникомъ Суворова. Всѣ были увѣрены въ томъ, что стоитъ только ему пріѣхать въ армію, какъ наши войска перейдутъ въ наступленіе, начнутъ, какъ мечтали, бить французовъ;

Графъ Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій.

Императоръ Александръ внялъ общему голосу и 8 августа Кутузовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ. Растроганный до глубины души, въ день своего отъѣзда изъ Петербурга въ армію, горячо и со слезами молился онъ въ Казанскомъ соборѣ, только что оконченномъ и въ 1811 году торжественно освященномъ. И тысячи народа плакали вмѣстѣ съ Кутузовымъ, когда, окропленный святой водой, возложивъ на себя поднесенный ему образъ Казанской Божіей Матери, онъ проговорилъ: „Молитесь за меня, меня посылаютъ на великое дѣло".

17-го августа Кутузовъ прибылъ къ войскамъ въ Царево-Займище. Они приняли его съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ во все время пути изъ Петербурга повсюду его встрѣчалъ и провожалъ народъ. Поздоровавшись съ приставленнымъ къ нему карауломъ, Кутузовъ, какъ бы про себя, но довольно громко сказалъ: „Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами". Эти слова полководца, съ быстротою молніи разнесшіяся по войскамъ, ободрили солдатъ. Уныніе, вызванное отступленіемъ, исчезло.

Осмотрѣвъ позицію при Царевѣ-Займищѣ, Кутузовъ призналъ ее неудобной для сраженія и приказалъ отступать. Армія на это не роптала. Впрочемъ, на этотъ разъ отступали не долго. Въ 10-ти верстахъ отъ Можайска, у села Бородина, наши войска остановились и окопались. Тутъ-то и произошло знаменитое Бородинское сраженіе, покрывшее наши войска неувядаемою славою.

7. Бородинскій бой.

Канунъ Бородинской битвы, воскресенье 25-го августа, прошелъ спокойно. Противники стояли другъ противъ друга, укрѣпляя занимаемыя ими мѣстности и приготовляясь къ рѣшительному бою. Одна и та же мысль занимала обѣ стороны,— разбить противника. Французы мечтали о новой побѣдѣ, о покореніи чужой столицы, о богатой добычѣ, объ отдыхѣ и покоѣ послѣ стольких трудовъ и лишеній; русскимъ никто ничего не обѣщалъ, но всѣ они обрекали себя на жертву для спасенія

отечества. Въ ожиданіи рѣшительнаго боя, наши офицеры надѣли съ вечера чистое бѣлье, солдаты, сберегавшіе про всякій случай бѣлыя рубашки, сдѣлали тоже. Эти приготовленія были не на пиръ. На призывъ квартирьеровъ: „водку привезли, ступай къ водкѣ“, многіе отвѣчали: „не къ тому готовимся, не такой завтра день“. Вездѣ точили штыки, отпускали сабли, артиллеристы передвигали орудія, избирая для нихъ болѣе выгодныя мѣста. Всѣ готовились къ смерти невольно, безсознательно, просто, потому что имъ слѣдовало или умереть или спасти отечество. Замолкла вражда и ссоры. Въ это время Кутузовъ приказалъ торжественно пронести предъ рядами всего войска икону Смоленской Божіей Матери и служить молебны... Духовенство шло въ ризахъ, кадила дымились, свѣчи теплились, воздухъ оглашался пѣніемъ, и святая икона шествовала, какъ бы движимая неземною силою... Сама собою, по влеченію сердца, 100.000-армія становилась на колѣни и припадала челомъ къ землѣ, которую готовилась упоить досыта своею кровію. Вездѣ творилось крестное знаменіе, по мѣстамъ слышались рыданія. Кутузовъ, окруженный штабомъ, встрѣтилъ икону, палъ предъ нею на колѣни и долго молился. Когда окончилось молебствіе, послышалось: „Орелъ паритъ“. Кутузовъ, взглянувъ вверхъ, увидѣлъ какъ бы плавающаго въ воздухѣ орла и тотчасъ обнажилъ свою сѣдую голову. Близъ него стоявшіе закричали: „Ура“, и этотъ крикъ повторился всѣмъ войскомъ. Орелъ продолжалъ парить, семидесятилѣтній вождь, принимая это за доброе предзнаменованіе, стоялъ съ обнаженной головой.—Кутузовъ не считалъ нужнымъ издавать особаго приказа о предстоящемъ сраженіи, но, объѣзжая войска наканунѣ сраженія, говорилъ съ ними просто, языкомъ, доступнымъ для пониманія каждаго и проникавшимъ до глубины души.

И Наполеонъ хорошо понималъ значеніе предстоящаго сраженія. Наканунѣ онъ весь день обозрѣвалъ мѣстность, разсматривалъ нашу позицію, а къ вечеру составилъ планъ битвы. Въ его распоряженіи было болѣе 170.000 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ рядахъ нашей арміи насчитывалось до 130.000 человѣкъ.

Главнокомандующій М. И. Кутузовъ передъ иконой Смоленской Божіей Матери наканунѣ Бородинскаго боя.

Наступилъ вечеръ, поднялся вѣтеръ и съ воемъ гудѣлъ по бивуакамъ. Въ нашемъ лагерѣ было тихо и спокойно, войска дремали вокругъ дымящихся костровъ. У непріятеля, наоборотъ, было шумно и весело; звуки музыки и восторженные крики въ честь великаго полководца оглашали воздухъ. Каждый горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться и съ озлобленіемъ смотрѣлъ на непріятеля, не думая объ опасности и смерти, ему предстоящей.

Наполеонъ рано проснулся въ этотъ день. Получивъ извѣстіе, что русскіе стоятъ на мѣстѣ, онъ выразилъ радость. Французская армія построилась въ бой и ей былъ прочитанъ слѣдующій приказъ.

„Воины, вотъ сраженіе, котораго вы столько ожидали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для васъ; она доставитъ вамъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостію вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ этотъ день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою“.

Въ исходѣ 6 часа утра Наполеонъ приказалъ дать сигналъ къ битвѣ. Тотчасъ же задвигались густыя колонны непріятелей, загремѣла канонада и бой начался.

Наполеонъ направилъ главный ударъ на лѣвое крыло нашей арміи. Несмотря на страшныя усилія, первая попытка не удалась французамъ. Въ семь часовъ Наполеонъ велѣлъ возобновить нападеніе съ большими силами. Тогда Багратіонъ стянулъ къ этому мѣсту всѣ войска, бывшія въ его распоряженіи. Страшный огонь не могъ остановить нападающихъ. Цѣлая дивизія Воронцова, послѣ продолжительнаго сопротивленія, была истреблена вся. Въ это время къ непріятелямъ подошли новыя силы. Бой становился жарче и яростнѣе. Сколько наши ни отбивали французовъ, ряды ихъ смыкались и они неудержимо стремились впередъ. Наши солдаты бросались въ штыки, дрались съ отчаяннымъ мужествомъ и часто отнимали у непріятеля сильныя позиціи.

Между тѣмъ вице-король Италіи (Евгеній Богарне) перешелъ рѣку Колочу и направился противъ батареи Раевскаго, расположенной на курганѣ. Оттѣснивъ нашихъ стрѣлковъ, французы двинулись на батарею. Сильный огонь не могъ остановить ихъ. Они овладѣли курганомъ и орудіями. Но въ моментъ отступленія нашихъ полковъ появился Ермоловъ, начальникъ главнаго штаба Барклая. Подъ его предводительствомъ наши перекололи всѣхъ непріятелей, находившихся на батареѣ и орудія были возвращены обратно.

Вскорѣ Наполеонъ возобновилъ свой ударъ на наше лѣвое крыло. Французы, осыпаемые нашей картечью, храбро шли впередъ. Видя невозможность остановить ихъ картечью, Багратіонъ приказалъ ударить въ штыки.

Завязался страшный рукопашный бой; нельзя было различить своихъ отъ непріятелей. Въ тѣсной толпѣ перемѣшались всѣ: артиллеристы, пѣхотинцы, кавалеристы. Бились штыками, прикладами, тесаками. Посреди боя часть ядра ударила Багратіона въ ногу. Онъ лишился чувствъ. На его мѣсто былъ назначенъ храбрый защитникъ Смоленска—Дохтуровъ. Подвинувшись нѣсколько впередъ, Наполеонъ послалъ на наше лѣвое крыло конницу, двукратная атака которой была отбита. Но при всемъ мужествѣ наши силы истощались. Наполеонъ хорошо видѣлъ и понималъ это и, чтобы покончить съ нашимъ лѣвымъ крыломъ, послалъ противъ него свою гвардію. Дѣло принимало дурной оборотъ для насъ. Но не успѣла гвардія пройти полъдороги, какъ Наполеонъ приказалъ ей остановиться. Причиною этого былъ искусный маневръ Кутузова, который послалъ противъ лѣваго крыла французовъ кавалерійскій корпусъ графа Уварова и казачьи полки Платова. Уваровъ оттѣснилъ французскую кавалерію за ручей. Въ то же время Платовъ произвелъ страшную тревогу въ тылу непріятеля и обратилъ въ бѣгство бывшіе тамъ обозы. Это было въ 3-мъ часу пополудни. Наполеонъ поскакалъ на свое лѣвое крыло, направивъ туда и гвардію, и черезъ то лишился побѣды, уже склонявшейся на его сторону.

После этого Наполеонъ приказалъ на время остановить нападеніе и начать канонаду. Загудѣли сотни пушекъ. Тучи гранатъ и ядеръ падали непрерывно и выстрѣлы изъ орудій напоминали непрерывные раскаты грома. Барклай-де-Толли, Милорадовичъ и Остерманъ ободряли войска своимъ примѣромъ и храбростію, становясь на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ особенно угрожала смерть. Въ этотъ день Барклаю удалось примирить съ собой войска, которыя уже давно не привѣтствовали его обычнымъ „Ура". Не было въ центрѣ опаснаго мѣста, гдѣ бы ни появлялся Барклай, ободряя полки словомъ и примѣромъ. Увидя его тамъ, гдѣ падало особенно много ядеръ, генералъ Милорадовичъ, отличавшійся безпримѣрной храбростію, сказалъ: „Барклай хочетъ меня удивить", затѣмъ поѣхалъ дальше подъ перекрестные выстрѣлы французскихъ батарей и приказалъ подать себѣ завтракъ.

После канонады Наполеонъ послалъ въ атаку кирасиръ и улановъ. Наша пѣхота встрѣтила ихъ съ удивительною твердостію, подпустила на 60 шаговъ и открыла такой сильный огонь, что непріятель устлалъ землю своими трупами и бѣжалъ. Но силы нашихъ защитниковъ уже истощились и послѣ второй аттаки курганная батарея перешла въ руки фразцузовъ. Ихъ конница уже направилась на нашу пѣхоту, какъ Барклай повелъ въ атаку кавалерійскій и конногвардейскій полки. Онъ ѣхалъ впереди ихъ, въ полной парадной генеральской формѣ и въ шляпѣ съ чернымъ перомъ. Французы были задержаны. Они произвели еще нѣсколько атакъ, но поле битвы осталось за нами. Непріятель отступилъ.

Бородинское поле было покрыто тысячами убитыхъ и раненыхъ, невыразимо страдавшихъ и умиравшихъ безъ всякой помощи. Въ такомъ же положеніи находилось множество лошадей, боровшихся со смертью. Картина ужасная... Стоны и вопли страдальцевъ смѣшивались со свистомъ перелетавшихъ ядеръ и лопавшися гранатъ. Истребленіе человѣческаго рода изображалось здѣсь во всей своей полнотѣ.

Къ вечеру обѣ стороны чувствовали крайнее изнуреніе и уже не производили нападеній. Когда совершенно смерклось,

Бородинское побоище прекратилось. Русскіе сохранили за собой всѣ свои позиціи, за исключеніемъ лѣваго крыла, которое подалось назадъ саженей на 400.

Наши войска не одержали побѣды, но и французы насъ не одолѣли. Наполеонъ провозгласилъ себя побѣдителемъ, но все же не былъ доволенъ результатами сраженія. Бородинская битва принадлежитъ къ числу самыхъ жестокихъ и ужасныхъ въ исторіи. Потери обоихъ противниковъ были громадны. Съ обѣихъ сторонъ выбыло изъ строя не менѣе 100.000 человѣкъ. Наша армія лишилась 22 генераловъ, французская 49. Французы поэтому не даромъ называли это сраженіе „битвою генераловъ". Цѣлые полки исчезли, въ нѣкоторыхъ осталось по 100—150 человѣкъ.

Русскіе въ Бородинской битвѣ пріобрѣли безсмертную славу, а французы поддержали честь своего оружія. По словамъ извѣстнаго героя Ермолова: „При Бородино французская армія расшиблась о русскую". Самъ Наполеонъ не разъ говорилъ: „Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвою. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми".

Императоръ Александръ произвелъ Кутузова въ Генералъ-Фельдмаршалы и пожаловалъ ему 100.000 рублей, Барклай-де-Толли получилъ орденъ Георгія 2-й степени, Багратіонъ—50 тысячъ рублей. Четырнадцати генераламъ данъ орденъ Георгія 3-й степени, а всѣмъ солдатамъ, участвовавшимъ въ сраженіи, по 5 руб. на человѣка.

Во всей Россіи были отслужены благодарственныя молебствія. Въ самый день Бородинскаго сраженія въ Москвѣ былъ совершенъ крестный ходъ, отличавшійся особою торжественностью. Всѣ усердно молились и плакали.

Вечеромъ 1-го сентября, въ подмосковской деревнѣ Филяхъ, въ простой крестьянской избѣ (сохранившейся понынѣ), происходилъ военный совѣтъ. Генераламъ былъ предложенъ для рѣшенія вопросъ: дать ли французамъ сраженіе у самой Москвы, или отдать имъ ее безъ боя. Мнѣнія раздѣлились: одни говорили

Бородинскій бой 26 августа 1812 года.

за сраженіе, другіе—противъ. Выслушавъ ихъ терпѣливо, Кутузовъ заключилъ засѣданіе слѣдующими словами: „Съ потерею Москвы не потеряна еще Россія. Первою обязанностью себѣ поставляю сохранить армію, сблизиться съ тѣми войсками, которыя идутъ къ ней на подкрѣпленіе и самымъ уступленіемъ Москвы приготовить неизбѣжную гибель непріятелю. Поэтому я намѣренъ, пройдя Москву, отступить по Рязанской дорогѣ. Знаю, что за все поплачусь я, но жертвую собою для спасенія отечества“. И, вставъ со стула, онъ произнесъ: „Приказываю отступать“.

Генералы, выходя изъ избы, были грустны. Но больше всѣхъ былъ грустенъ и печаленъ самъ Кутузовъ. Онъ провелъ тревожную ночь, стоналъ и плакалъ...

На другой день послѣ Бородинскаго сраженія графъ Растопчинъ напечаталъ объявленіе, въ которомъ говорилъ, что: „съ Божіей помощью русское войско не уступило непріятелю въ бою ни шагу и что потеря непріятеля неисчетная“...

Радостная вѣсть о побѣдѣ мгновенно облетѣла всю Москву и тысячи народа спѣшили въ часовню Иверской Божіей Матери служить молебствія. Надежда, что непріятель не проникнетъ въ столицу, вновь оживила сердца. Но надежда эта была кратковременна... Вскорѣ москвичи съ ужасомъ узнали, что войска наши отступили къ Можайску, и что непріятельская армія идетъ вслѣдъ за нашей. Въ городѣ сталъ распространяться безотчетный страхъ и началось общее бѣгство.—Тѣ, которые не могли уѣхать, уходили пѣшкомъ. По улицамъ двигались цѣлыя толпы этихъ несчастныхъ переселенцевъ. Впереди ихъ шли священники. На всѣхъ лицахъ замѣтны были слѣды страха, ужаса и отчаянія, многіе рыдали...

31 августа Растопчинъ вывезъ изъ Москвы государственныя имущества и сокровища, удалилъ отсюда присутственныя мѣста, а также библіотеки, ризницы и драгоцѣнности соборовъ и монастырей. На другой день архіепископъ Августинъ, по Высочайшему повелѣнію, оставилъ столицу, взявши съ собою двѣ чудотворныхъ иконы Божіей Матери.

8. Пожаръ Москвы.

По мѣрѣ того, какъ наши войска 2-го сентября отступали къ Москвѣ, непріятельская армія приближалась къ ней. Французы, увидавъ широко раскинувшуюся предъ ними нашу первопрестольную столицу, блиставшую своими золотыми куполами въ яркихъ солнечныхъ лучахъ, пришли въ восторгъ. Ими овладѣла большая радость, они хлопали въ ладоши и кричали: „Москва, Москва“. Въ это время они забыли о перенесенныхъ трудахъ и страданіяхъ... Наполеонъ, въѣхавшій съ своей свитою на Поклонную гору, также обрадовался при видѣ величественной и необъятной Москвы. „Вотъ онъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ. Теперь война окончена“, воскликнулъ онъ. По данному сигналу Наполеонъ съ окружавшими его помчался впередъ, за нимъ неслась конница, пѣхота шла почти бѣгомъ... Съ музыкой войска вступили въ городъ.

Ходя по Камеръ-Коллежскому валу, Наполеонъ ожидалъ депутаціи, которая должна была поднести ему ключи отъ города, какъ это было въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Но время проходило, а депутація не являлась. Прискакавшій офицеръ объявилъ Наполеону, что Москва оставлена жителями. Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить этой чудовищной вѣсти. „Москва пуста“, воскликнулъ онъ. „Какое невѣроятное событіе. Надо его обдумать. Подите, приведите ко мнѣ бояръ“. Дождался, наконецъ, Наполеонъ и депутаціи отъ столицы. Но изъ кого она состояла?

Не изъ бояръ, не изъ лучшихъ людей, а изъ нѣсколькихъ иностранцевъ, занимавшихся мелкой торговлей и ремеслами, гувернеровъ, актеровъ и русскихъ простолюдиновъ. Наполеонъ не удостоилъ даже взглядомъ эту депутацію. Такимъ образомъ радость французовъ при вступленіи въ Москву, гдѣ они надѣялись найти удобныя квартиры и изобиліе продовольствія, была преждевременна и вскорѣ перешла въ неудовольствіе и ропотъ.

Утромъ 3-го сентября Наполеонъ торжественно въѣхалъ въ Москву. Подъѣзжая къ Кремлю, онъ сказалъ: „Вотъ эти гордыя стѣны... Наконецъ я въ Москвѣ, древнемъ дворцѣ царей

Пожаръ Москвы.

въ Кремлѣ"... Гордость его была удовлетворена. Теперь онъ могъ возвѣстить Европѣ о занятіи древней русской столицы и о побѣдѣ при Бородинѣ. Но уже на слѣдующій день гордый побѣдитель началъ испытывать серьезныя огорченія. Въ разныхъ мѣстахъ города начался пожаръ. Сильный вѣтеръ разносилъ огонь по всѣмъ направленіямъ. Запылало Замоскворѣчье, горѣли Ильинка и Тверская, цѣлые столбы дыма и пламени подступали со всѣхъ сторонъ къ Кремлю, гдѣ въ роскошныхъ палатахъ русскихъ царей, не зная ничего о грозившей опасности, безмятежно спалъ въ эту ночь великій полководецъ. Зато ужасно было его пробужденье... Небывалое грозное зрѣлище, представившееся его глазамъ изъ оконъ Кремля, наполнило душу его смущеніемъ и тревогой. Его ошеломила эта страшная рѣшимость враговъ. Онъ понялъ, что русскіе сами жгутъ свою великолѣпную столицу и что изъ рукъ его ускользаютъ плоды столькихъ жертвъ. „Какое ужасное зрѣлище", воскликнулъ Наполеонъ, „это они сами поджигаютъ. Сколько прекрасныхъ зданій... Какая необычайная рѣшимость... Что за люди... Это—скиѳы"...

Пожаръ свирѣпствовалъ все больше и больше и угрожалъ Кремлю. Вслѣдствіе этого Наполеонъ переѣхалъ въ загородный Петровскій дворецъ, но на пути туда едва не погибъ въ огнѣ.

Между тѣмъ пылающая Москва сдѣлалась средоточіемъ позорныхъ и неслыханныхъ злодѣяній. Начался повсемѣстный грабежъ и насиліе. Не было пощады ни полу, ни возрасту. Солдаты „великой арміи", охваченные духомъ корысти, утратившіе всякое понятіе о чести и дисциплинѣ, врывались въ монастыри и храмы, похищали утварь и облаченія, ругались надъ святыми иконами, въ церквахъ устраивали бойни, конюшни для лошадей и творили неслыханныя кощунства и безобразія. Французскія войска были поголовно проникнуты духомъ невѣрія и безбожія. Просвѣщенная Западно-Европейская армія своею испорченностью, жестокостью, развращеніемъ и дикостью превзошла старинныхъ полудикихъ кочевниковъ и сравнялась съ современными баши-бузуками (въ Турціи предъ войной и во время войны 1876—1877 г. г.).

9. Настроеніе русскаго народа. Партизаны.

Страшное извѣстіе о занятіи Москвы французами поразило Россію и привело народъ въ уныніе. Почти всѣ думали и опасались, что будетъ заключенъ постыдный миръ. Но скоро сдѣлалось извѣстно, что Императоръ Александръ, которому полковникъ Мишо привезъ извѣстіе о сдачѣ Москвы безъ боя, сказалъ ему слѣдующія знаменательныя слова: „Если у Меня не останется ни одного солдата, Я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду Самъ предводительствовать ими, и истощу всѣ средства Моей Имперіи. Но если судьбою и Промысломъ Божіимъ предназначено роду Моему не царствовать болѣе на престолѣ Моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, Я отрощу Себѣ бороду и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ Моего отечества и добрыхъ Моихъ подданныхъ, пожертвованія которыхъ умѣю цѣнить. Наполеонъ или Я, Я или Наполеонъ, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ. Я узналъ его: онъ больше Меня не обманетъ“.

Твердое намѣреніе Государя продолжать борьбу было встрѣчено народомъ съ восторгомъ. „Нѣтъ мира съ врагомъ“, повторяли всѣ, и желаніе отомстить Наполеону охватило всѣ сердца.

Вторженіе французовъ въ наше отечество и занятіе ими первопрестольной столицы съ ея храмами и святынями естественно вызвало въ русскомъ народѣ чувство глубочайшей скорби, которое вскорѣ смѣнилось инымъ настроеніемъ. Тамъ, гдѣ другой народъ пришелъ бы въ уныніе и отчаяніе, нашъ русскій народъ, воспитанный въ духѣ вѣры и любви къ отечеству, почерпнулъ въ религіи величайшія силы и предсталъ очамъ всего изумленнаго міра, какъ непобѣдимый исполинъ, почувствовавшій подъ своими ногами родную почву. Когда прошли первые порывы страха, ужаса и отчаянія, начался переломъ, перешедшій въ непоколебимую рѣшимость умереть за отечество, но не дать врагу восторжествовать надъ собою. Въ русскомъ народѣ, въ эту годину бѣдствій, во всей широтѣ загорѣлось чувство сыновней любви къ многострадальной родинѣ и привязанность къ вѣрѣ отцовъ, благоговѣніе къ святынямъ, чтимымъ предками. И когда

русскіе люди узнали о неистовствѣ и жестокостяхъ французовъ, о тѣхъ невѣроятныхъ мерзостяхъ и святотатствахъ, которыя враги совершали въ Москвѣ, объ оскверненіи храмовъ и святынь, о грабежѣ и насиліяхъ,—тогда жажда безграничной мести запылала въ сердцахъ добродушнаго русскаго народа. Москва съ ея святынями перестала существовать для русскихъ. Оплакавъ ее, какъ родную мать, всѣ русскіе, безъ различія сословій и званій, почувствовали, что насталъ часъ мщенія и близка погибель ненавистнаго врага. Но на ряду съ этимъ, тяжелое время испытанія вызвало въ русскомъ обществѣ другое высокое и чистое чувство. Духъ согласія и христіанской любви водворился между всѣми. Тяжкія испытанія пробудили и оживили въ русскомъ народѣ твердую и безграничную вѣру въ Божественный Промыслъ, которая все росла и крѣпла. И такое настроеніе взаимной любви и несокрушимой вѣры вливало неслыханное мужество въ сердца и распространялось по всѣмъ отдаленнымъ уголкамъ необъятной Россіи. Всѣ народности, входившія въ составъ нашего государства, за исключеніемъ поляковъ, соперничали въ изъявленіи преданности общему отечеству и въ готовности пожертвовать для его спасенія всѣмъ своимъ достояніемъ и самою жизнью... Безчисленныя пожертвованія стекались изъ всѣхъ губерній и областей и не было различія въ этомъ отношеніи между внутренними частями и окраинами.

Такимъ образомъ занятіе Москвы было для французовъ предвѣстникомъ ихъ гибели. Вмѣстѣ съ разстройствомъ и упадкомъ непобѣдимой арміи, поднялось до высшей степени патріотическое настроеніе русскаго народа. И тогда-то во всей силѣ сказалась ужасная для врага партизанская война. Жители тѣхъ мѣстностей, гдѣ находились французы, поголовно возстали на защиту родины и всѣми способами вредили непріятелю. Вооружившись, чѣмъ попало: рогатинами, топорами, вилами, косами, они нападали на цѣлые отряды непріятелей, отнимали у нихъ обозы съ припасами, похищенную добычу, и, при малѣйшемъ сопротивленіи, убивали ихъ, свои же дома и имущество на пути французовъ жгли и истребляли. Замѣчательно, что въ этомъ на-

родномъ движеніи принимали участіе и женщины, напр. знаменитая старостиха Василиса, забиравшая въ плѣнъ не одинъ разъ цѣлыя партіи французовъ. Кромѣ того, образовались такъ называемые партизанскіе отряды, т. е., легкіе военные отряды, выдѣленные изъ самой арміи, но дѣйствовавшіе вполнѣ самостоятельно, главная задача которыхъ заключалась въ томъ, чтобы внезапными нападеніями постоянно тревожить непріятеля, разрушать пути его сообщенія, уничтожать обозы и запасы, и, нанося ему тѣмъ самымъ значительный уронъ, помогать такимъ образомъ главной арміи.

Заслуги нашихъ партизановъ въ защитѣ отечества отъ французовъ неоцѣненны, и имена такихъ партизановъ, какъ: Давыдовъ, Фигнеръ, Сеславинъ и Дороховъ давно уже сдѣлались дорогими каждому русскому сердцу. Ихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, но жива вѣчная память о нихъ въ нашей родной исторіи.

10. Сраженіе при Тарутинѣ.

Болѣе мѣсяца въ полномъ бездѣйствіи провелъ Наполеонъ въ Москвѣ, напрасно ожидая вѣстника съ мирными предложеніями отъ Императора Александра. Время шло. Великая армія все болѣе и болѣе слабѣла. Французы въ сожженной Москвѣ терпѣли всевозможныя лишенія, страдали отъ наступившихъ, хотя еще и не очень сильныхъ, холодовъ и болѣзней, а главнымъ образомъ отъ голода. Солдаты доходили до того, что не только стрѣляли воронъ и галокъ и питались кониной, но ѣли уже мышей, кошекъ и павшихъ отъ безкормицы животныхъ. Блестяще оправдались слова Кутузова, сказанныя имъ на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ: „доведу я французовъ, будутъ они у меня жрать лошадиное мясо“. Бездѣйствіе Наполеона въ Москвѣ было очень полезно для нашей арміи, отступившей сначала на Рязанскую дорогу, а затѣмъ перешедшей на Калужскую. Этимъ движеніемъ Кутузовъ загородилъ непріятелю путь въ Калугу, гдѣ находились склады продовольствія для войскъ, въ Тулу—съ ея оружейнымъ заводомъ и въ южныя губерніи. 20 сентября наши войска расположились лагеремъ при селѣ Тарутинѣ. Во время стоянки

здѣсь они отдохнули, укрѣпились и усилились. Къ нимъ постоянно подходили обозы съ мясомъ, хлѣбомъ, виномъ, стягивались отряды ополченцевъ, пришло съ Дону 30 казачьихъ полковъ подъ начальствомъ атамана Платова. Прекрасно понимая, что каждый лишній день, проведенный французами въ Москвѣ, приближаетъ ихъ къ гибели, Кутузовъ всячески старался усыпить Наполеона и удержать его въ разоренной столицѣ. Онъ распускалъ слухи, что наша армія слабѣетъ не по днямъ, а по часамъ, что она голодаетъ и т. п.; посылалъ курьеровъ съ ложными донесеніями къ Государю, которые обязательно попадались въ плѣнъ къ французамъ.

Однако, такое положеніе дѣлъ долго продолжаться не могло. Истощилось, наконецъ, терпѣніе и у Наполеона. Видя, что Императоръ Александръ не проситъ мира, онъ самъ рѣшился заговорить о мирѣ чрезъ Кутузова, пославъ къ нему генерала Лористона съ письмомъ. Получивъ это письмо, Императоръ Александръ написалъ Кутузову, что: „въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ его прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное отечество“.

6 октября, пользуясь безпечностью Мюрата, начальствовавшаго передовымъ отрядомъ Наполеона, Кутузовъ атаковалъ его вблизи с. Тарутина. Французы были отброшены, потерявъ много убитыми и плѣнными и оставивъ въ нашихъ рукахъ 38 орудій. Особенно въ этомъ бою отличились казаки Платова и генералъ Беннигсенъ.

Шумно и весело возвращались войска наши въ Тарутинскій лагерь. Престарѣлый фельдмаршалъ, сидя на порогѣ крестьянской избы, и указывая на отнятыя непріятельскія орудія, сказалъ: „вотъ сегодняшній подарокъ вашъ Государю и Россіи. Благодарю васъ именемъ Царя и Россіи“. На другой день былъ отслуженъ благодарственный молебенъ во всѣхъ частяхъ войска. Тарутинское сраженіе, какъ первое удачное наступательное движеніе нашей арміи, имѣло громадное нравственное вліяніе на войска и несказанно обрадовало Государя, приславшаго Кутузову

золотую шпагу съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ; Беннигсенъ получилъ алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и 100.000 рублей.

Узнавъ о пораженіи при Тарутинѣ, Наполеонъ въ тотъ же день отдалъ приказъ о выступленіи изъ Москвы. Самъ онъ выѣхалъ изъ нашей столицы 7 октября, приказавъ маршалу Мортье взорвать Кремль, соборы и зажечь всѣ общественныя зданія. Въ ночь на 11 октября это варварское распоряженіе было исполнено, раздались страшные взрывы въ Кремлѣ: разрушенъ былъ царскій дворецъ и Грановитая Палата, общественныя зданія, но Соборы уцѣлѣли.

Такую же участь готовили враги и Новодѣвичьему монастырю. Французы, стоявшіе въ этомъ монастырѣ, хотѣли взорвать келліи и монастырскій соборъ. Послѣ ухода непріятелей изъ монастыря произошелъ одинъ изъ самыхъ трагическихъ моментовъ въ его исторіи, обезсмертившій имя казначеи монастыря—монахини Сарры. Вбѣжавъ съ сестрами въ тѣ келліи, гдѣ жили солдаты, она увидѣла на полу, лавкахъ и окнахъ солому. Горѣли свѣчи, которыя тотчасъ были потушены. Ужасъ объялъ казначею и бывшихъ съ нею монахинь, когда они бросились въ подвалъ подъ соборомъ. Здѣсь стояло нѣсколько раскупоренныхъ ящиковъ и боченковъ съ порохомъ и на нихъ лежали уже зажженные фитили. Если бы Сарра опоздала придти сюда на нѣсколько минутъ и, быть можетъ, секундъ, могло-бы произойти величайшее бѣдствіе, какое съ отчаянія и злобы придумалъ мстительный и кровожадный непріятель. Но Господь сохранилъ эту энергичную и самоотверженную женщину, а чрезъ нее и Новодѣвичій монастырь отъ угрожавшей ему ужасной катастрофы. Фитили были потушены, а въ порохъ налита вода. Потушенъ былъ также начинавшійся пожаръ въ монастырскихъ церквахъ отъ свѣчей, прилѣпленныхъ къ иконамъ и зажженныхъ французами.

Такимъ образомъ адскіе замыслы Наполеона и его маршаловъ не вполнѣ удались. Когда ночью 9 октября въ нашей арміи было получено извѣстіе объ очищеніи Москвы отъ враговъ,

Подвигъ инокини Сарры, спасшей Новодѣвичій монастырь отъ взрыва.

старый полководецъ всталъ съ постели, упалъ на колѣни предъ иконой, зарыдалъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ: „Господи, Спаситель мой, внялъ Ты молитвѣ нашей... спасена Россія, благодарю Тебя“.

11. Отступленіе французовъ.

Началось знаменитое отступленіе „великой арміи“, сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ битвъ. Наполеонъ хотѣлъ направить свою армію къ Калугѣ, по новой, еще не разоренной дорогѣ. Но наши войска встрѣтили его при г. Малоярославцѣ 12 октября и послѣ жестокаго сраженія заставили итти по прежней, опустошенной дорогѣ на Смоленскъ, въ окрестностяхъ котораго Наполеонъ потерпѣлъ нѣсколько пораженій: при Вязьмѣ, близь Духовщины (22 октября) и подъ Краснымъ (5 ноября). Здѣсь взято въ плѣнъ болѣе 26-ти тысячъ человѣкъ и 126 пушекъ. За эти побѣды Кутузову данъ былъ титулъ „Смоленскаго“. Съ ноября наступили морозы. Закутанные въ лохмотья, въ женскія платья, въ церковныя ризы, изнуренные отъ голода и дрожащіе отъ холода, французы едва двигались, гибли тысячами, устилая дорогу своими трупами; крестьяне, даже бабы, забирали въ плѣнъ цѣлые отряды ихъ.

Императоръ Александръ, получивъ донесеніе объ отступленіи Наполеона, прислалъ Кутузову планъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, лично Имъ составленный. По этому плану Дунайская армія въ соединеніи съ 3-ю резервною, подъ начальствомъ Чичагова, должна была двинуться чрезъ Минскъ къ р. Березинѣ и преградить Наполеону путь къ отступленію.

10 ноября Наполеонъ узналъ, что Борисовъ занятъ русскими войсками и путь къ его отступленію отрѣзанъ. Тогда маршалъ Удино ложнымъ движеніемъ обманулъ Чичагова, а между тѣмъ Наполеонъ устроилъ мостъ на 18 верстъ выше Борисова, вблизи деревни Студянки, по которому 14 ноября французы стали безпрепятственно переправляться черезъ р. Березину. Въ ночь на 16 ноября Чичаговъ вошелъ въ непосредственную связь

съ Витгенштейномъ [1]), Платовымъ и Ермоловымъ и они вмѣстѣ рѣшились атаковать непріятелей. Завязался ужасный бой. Французы дрались съ необычайнымъ ожесточеніемъ, помышляя только о своемъ спасеніи. Въ безпорядочной толпѣ смѣшались непріятельская пѣхота, артиллерія, конница и обозъ. Наши ядра, падая на мость, производили ужасное смятеніе. Люди, лошади и повозки падали въ рѣку; многіе сами бросались въ воду, чтобы переправиться вплавь, но льдины затирали ихъ и они гибли. Въ этотъ день французы потеряли до 25.000 человѣкъ. Рѣка Березина была запружена трупами людей и лошадей и по нимъ можно было перейти ее въ бродъ. Послѣ сраженія возлѣ Студянки у Наполеона осталось до 9000 войска, за которымъ шла масса безоружныхъ, не способныхъ ни къ чему оборванцевъ.

Дальнѣйшій путь Наполеона съ остатками его арміи до нашей границы былъ не отступленіемъ, а прямо бѣгствомъ. Морозъ, доходившій въ это время до 30 градусовъ, добивалъ французскую армію, и путь, по которому она шла, былъ усѣянъ трупами людей, погибшихъ отъ мороза.

Неувядаемою славою покрыло себя въ отечественной войнѣ донское казачье войско. Казаки не давали покоя французамъ ни днемъ, ни ночью, нападая на нихъ со всѣхъ сторонъ и наводя на непріятелей паническій страхъ. При одномъ имени „казакъ" французы приходили въ ужасъ и нерѣдко, безъ всякаго сопротивленія, сдавались въ плѣнъ цѣлыми отрядами.

Безостановочно преслѣдуя враговъ отъ Малоярославца до Ковно, донское войско съ его знаменитымъ „вихремъ—атаманомъ" Платовымъ, вступило въ Ковно 3 декабря. Собравъ войско на площадь, графъ Платовъ приказалъ отслужить благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и пушечной пальбой. По окончаніи молебна могучее „ура" Государю и князю Смоленскому огласило воздухъ.

---

[1]) Витгенштейнъ съ своимъ отрядомъ заграждалъ непріятелямъ путь къ Петербургу и дважды разбилъ французовъ—при Клястицахъ и Полоцкѣ.

Но кромѣ военныхъ дѣлъ и заслугъ графа Платова замѣчателенъ еще одинъ его подвигъ, не кровавый, не боевой, а полный глубокаго нравственнаго значенія. Приказомъ своимъ Платовъ предписалъ казакамъ, чтобы все отбитое у непріятеля церковное имущество: утварь, сосуды, оклады съ иконъ и проч.— было доставлено ему. Донцы добросовѣстно исполнили волю своего любимаго атамана и доставили ему до 40 пудовъ чистаго серебра, не считая золота.

Серебро это графъ Платовъ отправилъ князю Кутузову, который горячо благодарилъ его. Впослѣдствіи изъ этого серебра въ С.-Петербургѣ въ Казанскомъ соборѣ былъ сдѣланъ иконостасъ, внизу котораго начертана надпись: „отъ усерднаго приношенія войска Донскаго“.

Покинувъ Вильну, Наполеонъ рѣшился извѣстить Францію и Европу о постигшихъ его бѣдствіяхъ. Бросивъ жалкіе остатки своей арміи на произволъ судьбы и переодѣвшись въ польскій костюмъ, онъ помчался во Францію, сопровождаемый проклятіями своихъ воиновъ.

28 ноября наши войска заняли Вильну. Въ половинѣ декабря ни одного вооруженнаго непріятеля не осталось въ Россіи. Великое рѣшеніе Императора Александра и Его народа осуществилось. Отечество наше было избавлено отъ грознаго врага.

12. Окончаніе отечественной войны.

Государь, получивъ донесеніе о занятіи нашими войсками Вильны, въ ночь на 9 декабря выѣхалъ туда изъ Петербурга. При вѣсти о прибытіи Монарха величайшая радость охватила всѣхъ. Войска, проникнутыя сознаніемъ исполненнаго долга предъ Царемъ и отечествомъ, съ нетерпѣніемъ ожидали своего Верховнаго Вождя; они жаждали видѣть Его и слышать Его ласковое слово, считая это выше всякой награды.

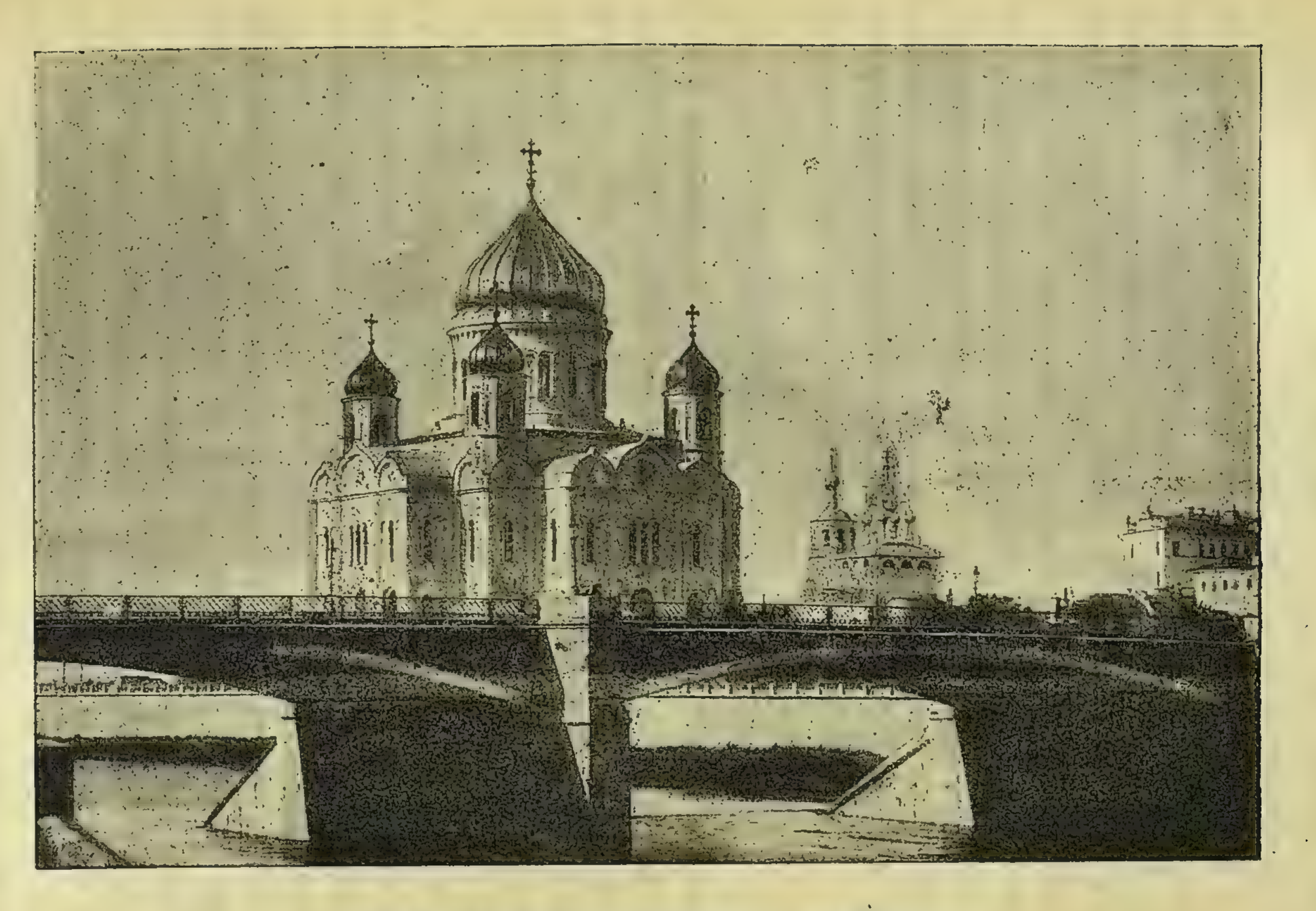
11 декабря фельдмаршалъ Кутузовъ, въ полной парадной формѣ, стоялъ у подъѣзда Виленскаго замка въ ожиданіи Императора. На величавомъ лицѣ Кутузова замѣтно было волненіе, съ которымъ онъ готовился къ торжественной минутѣ,—донести

Государю о спасенiи отечества. Кругомъ царствовало молчанiе, и только ликующiя лица говорили о предстоящемъ необычайномъ событiи.

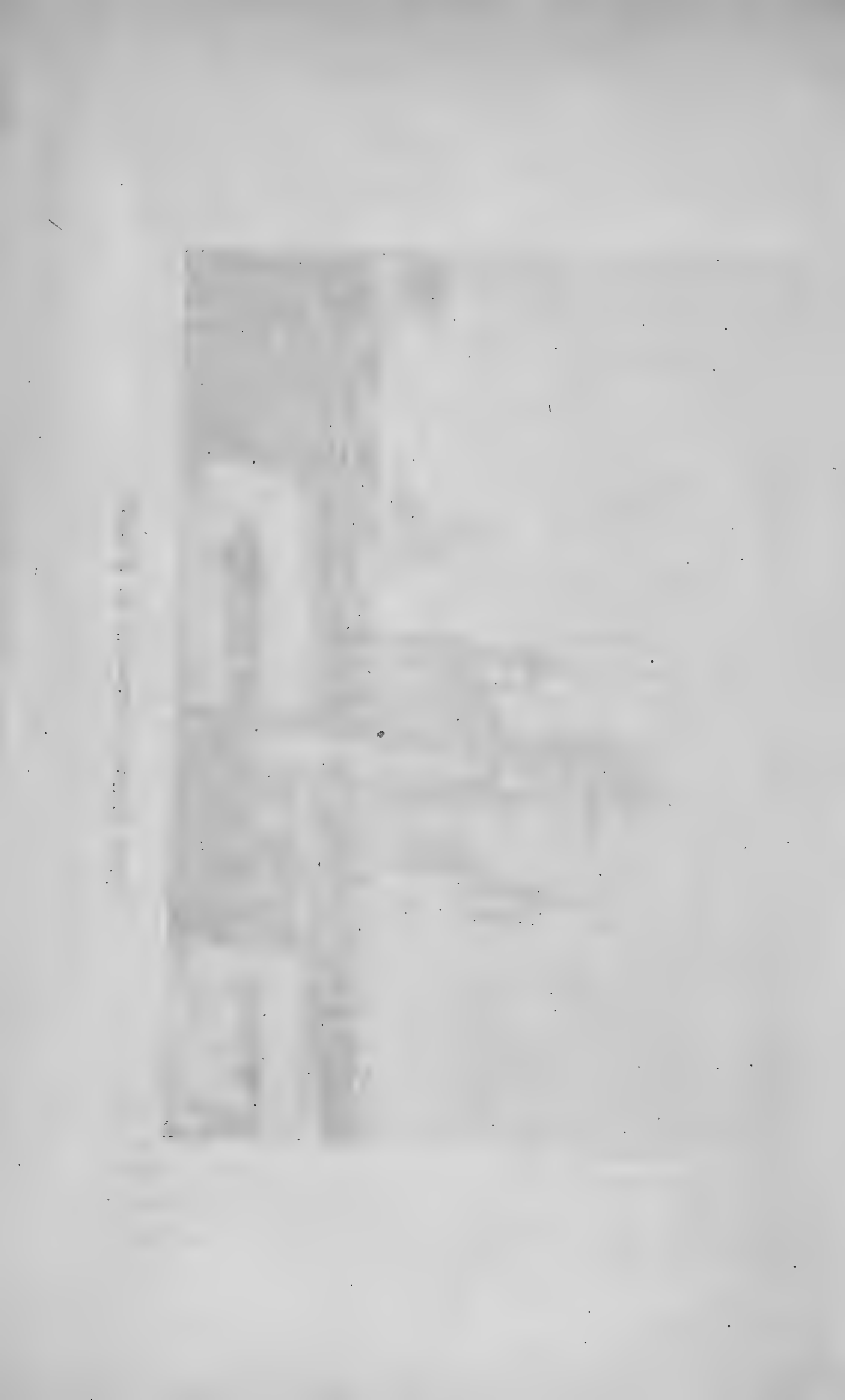
Въ 5 часу вечера пронеслось раскатами громовое „ура“ и къ замку примчалась тройка запыхавшихся лошадей, запряженныхъ въ дорожныя сани, въ которыхъ сидѣлъ Государь, занесенный снѣгомъ и покрытый инеемъ. Кутузовъ подбѣжалъ къ Монарху. Выйдя изъ саней, Государь обнялъ Кутузова и, принявъ отъ него рапортъ, вмѣстѣ съ нимъ подъ руку пошелъ во дворецъ. Войдя въ кабинетъ, Онъ долго бесѣдовалъ съ Кутузовымъ. Едва Кутузовъ вышелъ изъ кабинета, какъ оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой подалъ ему на серебряномъ блюдѣ орденъ св. Георгiя Побѣдоносца 1-й степени.

На слѣдующiй день, 12-го декабря, по случаю дня рожденiя Государя, во дворецъ собрались высшiе военные и гражданскiе чины. Его Величество, обратясь къ генераламъ, сказалъ: „вы спасли не одну Россiю, вы спасли Европу“. Во время обѣда, съ участiемъ всего генералитета, палили изъ Наполеоновскихъ пушекъ французскимъ порохомъ, а вечеромъ Его Величество присутствовалъ на балу у фельдмаршала, гдѣ къ стопамъ Государя были повергнуты непрiятельскiя знамена. Балъ отличался неслыханной пышностью и торжественностью.

25 декабря Императоръ Александръ издалъ два манифеста, въ одномъ—извѣщая всѣхъ своихъ подданныхъ о благополучномъ окончанiи Отечественной войны, а въ другомъ выражая намѣренiе соорудить въ Москвѣ храмъ во имя Христа Спасителя, „въ ознаменованiе благодарности къ Промыслу Божiю, спасшему Россiю отъ грозившей ей гибели“, а также въ напоминанiе потомству о великомъ народномъ самоотверженiи и геройствѣ русскаго воинства, не щадившаго жизни для спасенiя родины. Такимъ образомъ, не умаляя заслугъ и славы своего храбраго войска и мужественныхъ искусныхъ вождей его, Императоръ въ дарованныхъ Ему побѣдахъ видѣлъ прежде всего руку Божественнаго Провидѣнiя, и не Себѣ, а Господу Богу приписывалъ счастливое завершенiе даннаго Имъ обѣта: „Не прекра-

Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ.

щать брани до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ вооруженный непріятель будетъ находиться на русской землѣ“.

Начиная съ 25-го декабря 1812 г., русская церковь ежегодно, въ день Рождества Христова, празднуетъ избавленіе Россіи отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ, а сто лѣтъ назадъ торжество Россіи вмѣстѣ съ ней раздѣляла въ эти дни и вся вооруженная противъ нея же Европа, благословляя великодушнаго Императора Александра и видя въ побѣдахъ Его зарю общей свободы, мира и благоденствія. И дѣйствительно, Отечественная война, изъ которой Россія вышла съ окрѣпшими, обновленными силами, имѣла еще и то огромное значеніе, что, возвысивъ наше отечество на вершину славы, она облегчила и подготовила спасеніе всей Европы, увѣрившейся, наконецъ, въ возможности побѣдить дотолѣ несокрушимаго Наполеона.

13. Заграничный походъ. Миръ Европы.

Воодушевленный прекрасною мыслію оградить несчастное человѣчество и низвергнуть ненавистное всѣмъ народамъ Европы иго Наполеона, сознавая, что для достиженія всеобщаго прочнаго мира Ему самому лично съ Его доблестной арміей необходимо встать на защиту Европы, Императоръ Александръ 1-го января 1813 г. перешелъ съ главными силами границу и вступилъ въ предѣлы Германіи. Началась война за освобожденіе Европы, которая шла съ перемѣннымъ счастіемъ, но окончилась полнымъ торжествомъ союзниковъ, вступленіемъ русскихъ войскъ въ Парижъ и низложеніемъ Наполеона. Занявъ столицу Франціи, Императоръ Александръ явилъ Себя прежде всего истиннымъ христіаниномъ, возблагодаривъ Господа за успѣшное окончаніе великой борьбы съ неукротимымъ завоевателемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ Себя великодушнымъ побѣдителемъ, возбудившимъ въ сердцахъ французовъ безграничное благоговѣніе къ своей Особѣ.

Не дожилъ до этого великаго торжества главный сподвижникъ Императора въ Отечественной войнѣ, фельдмаршалъ Кутузовъ—Смоленскій. Онъ скончался 16-го апрѣля 1813 г. въ нѣ-

мецкомъ городкѣ Бунцлау. Прахъ Кутузова похороненъ въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ, вблизи котораго, по волѣ Императора Николая I-го, ему поставленъ грандіозный памятникъ.

Историческое значеніе побѣдоноснаго старца, которому почти всецѣло обязана Россія своимъ спасеніемъ, нашъ безсмертный поэтъ Пушкинъ обрисовалъ такимъ образомъ:

„Передъ гробницею святой
Стою съ поникшей головой...
Все спитъ кругомъ: однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай.“ Ты всталъ и спасъ“...

Послѣ низложенія Наполеона вся Европа вздохнула свободно. Съ водвореніемъ мира и возстановленіемъ государственнаго и общественнаго порядка, европейскіе народы получили возможность безпрепятственно заниматься науками, искусствами, торговлею и промышленностью.

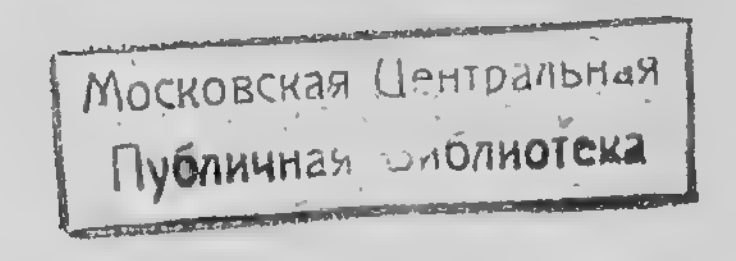
И миромъ, воцарившимся въ Европѣ, и спокойнымъ процвѣтаніемъ ея народовъ, Европа всецѣло обязана русскому народу, его самопожертвованію, а равно Вѣнценосному Вождю Россіи—Императору Александру I.

Въ память великихъ дней 1812 г. была выбита медаль, на которой по приказанію Государя была сдѣлана надпись: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему".

По возвращеніи Императора Александра I въ Россію, послѣ окончанія заграничной войны, Св. Синодъ, Сенатъ и Государственный Совѣтъ хотѣли поставить Ему при жизни памятникъ и просить Его принять титулъ „Благословеннаго". Отклонивъ это предложеніе съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ, Александръ I въ своемъ рескриптѣ, между прочимъ, говоритъ: „Да соорудится Мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ Моихъ къ вамъ. Да благословляетъ Меня въ сердцахъ народъ Мой, какъ Я въ сердцѣ Моемъ благословляю оный, да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо Мною и надъ нею благословеніе Божіе".

Высоко цѣня заслуги своего миролюбиваго Монарха, Россія, а за нею и вся Европа, усвоила Императору Александру I послѣ Его кончины прозваніе „Благословеннаго".

Да будетъ благословенна память всѣхъ тѣхъ, кто отъ Царя до самаго незамѣтнаго простого солдатика, обнаружилъ въ годину тяжелаго испытанія все то величіе русской души, вѣрной завѣтамъ прошлаго и твердой въ вѣрѣ отцовъ, о которое разбились мечты и надежды гордаго завоевателя. Вѣчная память всѣмъ тѣмъ, чьи свѣтлые образы встаютъ нынѣ въ сердцѣ каждаго русскаго, будятъ въ немъ радостныя воспоминанія о былой славѣ предковъ и по прошествіи цѣлаго столѣтія доносятъ къ намъ святые завѣты сѣдой старины...

Карта военныхъ дѣйствій 1812 года.

Цифры обозначаютъ: 1. Армія Барклая-де-Толли, 2—Багратіона, 3—Тормасова, 4—Чичагова, 5—корпусъ Витгенштейна, 6—корпусъ Платова, 7—главная армія Наполеона, 8—армія вице-короля Евгенія, 9—армія короля Іеронима, 10—отрядъ маршала Даву, 11- армія Шварценберга и 12—отрядъ Макдональда.

Содержаніе книги.

Сочиненія того же автора: 1) „**Жизнь и царствованіе Императора Александра III**“, ц. 1 р. **Одобрено** для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ духовно-учебныхъ заведеній, **допущено** въ библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. Просвѣщенія, въ безплатныя народныя читальни, въ библіотеки второклассныхъ и учительскихъ церковно-приходскихъ школъ, **рекомендовано** для кадетскихъ корпусовъ.— Обществомъ ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III **удостоено преміи.**

2) „**Царь Миротворецъ, Императоръ Александръ III**“, съ 20-ю художественными рисунками, ц. 30 к.

3) „**Личность Императора Александра III и возсозданіе Имъ церковной школы**“. Ц. 10 к.

Складъ книги объ Отечественной войнѣ въ канцеляріи Кіевскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и въ книжномъ магазинѣ Кіевскаго Лукьяновскаго Народнаго Дома.

Цѣна 10 коп.